

ОТДѢЛЪ II.

1. КРИТИКА

А. И. Алмазовъ. Проклятiе преступника псалмами (*Ψαλμοκατάρα*). Къ исторiи суда Божьяго въ Греческой церкви. Одесса. 1912. Стр. 84.

Перу автора настоящаго изслѣдованiя, извѣстнаго своими трудами литургико-каноническаго содержания, профессора Новороссiйскаго университета А. И. Алмазова принадлежитъ длинный рядъ ранѣе вышедшихъ въ свѣтъ весьма цѣнныхъ сочиненiй¹⁾, написанныхъ имъ главнымъ образомъ на основанiи изученiя греческихъ литургико-каноническихъ рукописей.

При занятiяхъ этими рукописями, А. И. Алмазовъ ознакомился, между прочимъ, съ двумя памятниками „отлучательнаго“ моленiя или послѣдованiя, матеріаломъ для молитвенныхъ формулъ котораго обязательно служили псалмы²⁾.

Бываютъ случаи, когда, за недостаточностью фактическихъ данныхъ, судъ лишенъ возможности съ точностью установить истину по разсматриваемому имъ дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и устанавливая истину,

---

1) Напр., „Тайная исповѣдь въ Православной Восточной церкви“. Т. I—III. Одесса. 1894. — „Апокрифическія молитвы, заклинанiя и заговоры“. Одесса. 1901. — „Законоправильникъ при русскомъ Требникѣ“. С.-Петербургъ 1902. „Каноническіе отвѣты Іоасафа, митрополита Ефесскаго.“ Одесса. 1903. „Неизданные отвѣты Константинопольскаго патрiарха Луки Хризоверга и митрополита Родосскаго Нила“. Одесса 1903 и др.

2) Первый, болѣе ранній по происхожденiю, памятникъ составляетъ одну изъ главъ Номоканона, ркп. 1528 г. библиотеки Barberini № 245 (*fol.* 425—428), съ специальнымъ надписанiемъ: „*Περὶ ὕπαν θέλων νὰ ἀφορίσουν ἀνθρώπων με ψαλμοκατάραν, πῶς γίνεται*“.

Второй памятникъ, болѣе поздняго происхожденiя, именно 16 августа 1542 г., находится въ сборникѣ, ркп. coll. Ottoboniana въ Ватиканской библиотекѣ № 192. Весь сборникъ содержитъ въ одномъ корешкѣ рядъ отдѣльныхъ мелкихъ рукописей; въ одной изъ такихъ рукописей, помѣщенной въ серединѣ сборника, содержится собраніе отлучательныхъ или проклинательныхъ послѣдованiй.

судь однако, иногда ставится въ невозможность воздать должное преступнику и вообще правонарушителю, за сокрытіемъ послѣдняго. Потребность и въ подобныхъ случаяхъ такъ или иначе — и достигнуть истины, и осуществить правосудіе, какъ извѣстно, въ давно минувшіе дни породила вѣрованіе въ цѣлесообразность примѣненія здѣсь различныхъ формъ такъ называемаго „суда Божьяго“. Съ церковной точки зрѣнія, и для тѣхъ случаевъ, когда правонарушитель отсутствуетъ въ наличности и совершенно скрылся, мыслима вѣроятная возможность — и обличать его, и воздать ему должное способомъ исключительнымъ, хотя нѣсколько и напоминающимъ другія церковныя формы суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, но только болѣе общаго характера.

Такимъ способомъ могло пониматься моленіе Церкви объ открытіи преступника, но только моленіе, специально назначенное для такой цѣли. И несомнѣнно, въ практикѣ Греческой церкви примѣнялся такой способъ. Практиковался онъ не въ видѣ простого моленія объ открытіи преступника, но въ связи съ провозглашеніемъ отлученія его отъ Церкви, а точнѣе — въ связи съ проклятіемъ его Церковью.

Вмѣстѣ же съ этимъ проклятіемъ возносилось и пламенное моленіе о жесточайшемъ и всеобъемлющемъ наказаніи преступника и о пораженіи его всяческими, внутренними и внѣшними, недугами, которые свидѣтельствовали всѣмъ о немъ, какъ о преступникѣ, и невольно вызывали бы его на самообличеніе и самообъявленіе о совершенномъ имъ преступномъ дѣяніи (стр. 1—3).

По уставу послѣдованія, помѣщеннаго въ первомъ памятникѣ, для его совершенія, требуется пригласить семь священниковъ, которые должны совершить литургію. По окончаніи литургіи они должны выйти въ облаченіи внутрь (на средину) храма. Здѣсь готовится тарелка, въ которую наливается „хорошій уксусъ“, а вокругъ ея ставится семь смоляныхъ свѣчей. Послѣ того въ тарелку кладется кусокъ негашеной извести въ объемѣ одного яйца, надъ какимъ составомъ и должно читаться все положенное въ послѣдованіи. Требованіе здѣсь свѣчей смоляныхъ, которыя по цвѣту черныя и составляютъ прямую противоположность обыкновенно употребляемымъ въ церкви восковымъ свѣчамъ — бѣлымъ, — отчасти можетъ быть объяснено мрачнымъ и печальнымъ назначеніемъ относящагося сюда обряда. Скорѣе же здѣсь исходили, повидимому, изъ того представленія, что подлежащій проклятію, какъ предаваемый во власть діавола, тѣмъ самымъ становится участникомъ его царства, царство же это — адъ —, по средневѣковымъ о немъ представленіямъ — мѣсто, гдѣ грѣшники подлежатъ мученіямъ, между прочимъ, и въ кипящей смолѣ. Что же касается до употребленія смѣси изъ уксуса и негашеной извести, то на умѣстность примѣненія ихъ привело химическое послѣдствіе такого смѣшенія, — такъ называемая — бурная реакція. При ней разложеніе извести, подъ воздѣйствіемъ уксусной кислоты, производитъ кипѣніе, сопровождаемое

выдѣленіемъ газовъ, а въ результатъ остается густая и очень клейкая масса, какъ указаніе на „вязаніе“ властью Церкви совершившаго преступленія.

Затѣмъ, всѣ священники берутъ въ свои руки по одной горячей свѣчѣ и, по обычномъ началѣ, совершаютъ послѣдованіе. Роль каждаго священника въ этомъ совершеніи, согласно уставу, несложная, и именно — каждый изъ нихъ по очереди произноситъ предназначенную для него часть псалма и, сверхъ того, произноситъ такъ называемый „тропарь Іуды“. Когда всѣ семь священниковъ исполняютъ это, тогда, — говоритъ уставъ, — „да отлучать и да творять отпустъ, тарелку же да перевернуть вверхъ дномъ и въ такомъ видѣ да оставлять ее внутри церкви“ (стр. 4—10).

По редакціи того же послѣдованія, помѣщеннаго во второмъ памятникѣ, съ надписаніемъ: „*Ακολούθησι ἀφορισμοῦ*“, это послѣдованіе отлученія прежде всего неразрывно связано съ совершеніемъ полного цикла суточного общественаго богослуженія, путемъ нѣкотораго приспособленія къ тому службы этого круга и введенія въ ихъ содержаніе особыхъ чтеній и дѣйствій.

Къ литургіи, и по этой редакціи, какъ и выше, предписывается приготовить чистаго уксуса и чистой извести, новый сосудъ, семь же смоляныхъ свѣчей и пять просфоръ прѣсныхъ, сваланныхъ „двигая рукою назадъ и впередъ“. — Ударъ въ било къ литургіи долженъ дѣлаться лѣвою рукою; совершая же литургію священникъ надѣваетъ обувь съ правой ноги на лѣвую и обратно и, сверхъ того, облачается „во всю священническую одежду наизнанку“... При совершеніи литургіи предлагается еще на выборъ, — „когда поминаешь мертвыхъ, если хочешь, чтобы онъ (отлучаемый) померъ, — помяни и его въ ряду мертвыхъ, если же желаешь ему жить, — помяни его въ ряду живыхъ“ (стр. 11—12).

Въ результатъ часто бывали случаи, когда подъ влияніемъ угрызений совѣсти отлученный обнаруживалъ себя и заявлялъ о своемъ искреннемъ раскаяніи. На подобные случаи само собою открывалась необходимость въ актѣ снятія проклятія, — въ актѣ церковнаго разрѣшенія отъ отлученія.

Возникаетъ вопросъ, по какимъ же мотивамъ отдавалось столь исключительное значеніе именно Псалтири. Объясняется это, по совершенно справедливому мнѣнію профессора Алмазова, тѣмъ всеобщимъ почитаніемъ, какимъ пользовалась Псалтирь въ прежнее время и какимъ пользуется и теперь у религіозныхъ людей (стр. 43).

Остается еще вопросъ — что предполагалось реальнымъ послѣдствіемъ примѣненной къ кому либо „псалмо-катары“? Первая редакція по этому вопросу говоритъ такъ: „когда человекъ совершитъ грѣхъ и принялъ сію псалмокатару, то спустя нѣсколько дней — и чернѣеть, и вспухнетъ, и разсѣдается, и подпадаетъ гнѣву Божию“.

И только кто сознается въ преступномъ своемъ дѣяніи, по его разрѣшеніи, „вновь оздравѣтъ“. Такимъ образомъ, въ связи съ примѣненіемъ „псалмокатары“ существовала вѣра въ то, что подпавшій ей поражаема неизлѣчимымъ недугомъ, результатомъ котораго должна быть ужасная смерть. Этого мало. Въ виду того, что одновременно съ проклятіемъ возносилось моленіе — „да не разсыплется тѣло“ проклинаемаго, конечнымъ результатомъ примѣненія „псалмокатары“ считалось еще и то, что тѣло умершаго подъ нею не предается тлѣнію, сохраняя безобразный видъ. Отсюда, наконецъ, подпавшій проклятію мыслился по смерти такъ называемымъ „вуркулакомъ“, — существомъ, которое могло приносить всяческой вредъ и вѣрованіе въ дѣйствительное бытіе котораго чрезвычайно сильно было укоренено (да имѣетъ мѣсто и теперь) у всѣхъ грековъ (стр. 53--54).

Сочиненіе профессора А. И. Алмазова представляетъ несомнѣнный интересъ для лицъ занимающихся вопросами литургики и каноники. Желаемъ его автору полного успѣха въ его плодотворной научной дѣятельности,

Профессоръ М. Красноженъ.

С. В. Троицкій. Діакониссы въ православной церкви. Спб. 1912. 352 стр. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Св. Олимпиада діаконисса IV вѣка и другія діакониссы древней церкви. Москва 1912. 119 стр. 8°.

Прот. Николай Добронравовъ. Діакониссы въ древнемъ христіанствѣ (Отискъ изъ Душенолезнаго Чтенія). Сергіевъ Посадъ 1912. 9 стр. 8°.

Изъ перечисленныхъ сочиненій только книга С. В. Троицкаго можетъ быть названа изслѣдованіемъ и заслуживаетъ серьезнаго разбора. Коротенькій очеркъ прот. Добронравова, написанный съ популярною цѣлью, въ общемъ не заключаетъ ничего невѣрнаго, и только одно мѣсто представляется сомнительнымъ. „Хотя, говоритъ авторъ (стр. 5), надъ діакониссами и совершалось посвященіе, однако оно никогда не приравнивалось къ посвященію епископскому, пресвитерскому и діаконскому, т. е. не было хиротоніей, что особенно старались отмѣтить соборы какъ вселенскіе (19 правило перваго Никейскаго собора), такъ и помѣстные. Поэтому діакониссы не могли совершать таинствъ“. Однако и діаконы не совершаютъ таинствъ, тѣмъ не менѣе надъ ними совершается такая-же точно хиротонія, какая совершалась надъ діакониссами, и какъ увидимъ ниже 19 правило Никейскаго собора имѣло иной смыслъ.

Анонимный авторъ пересказалъ безо всякой критики житіе св. Олимпиады, съ которой велъ переписку Іоаннъ Златоустъ, и кромѣ того доказалъ, что имѣетъ самое смутное представленіе о постановленіяхъ,